Цинь Мянь взглянул на него, взял пульт и выключил назойливую трансляцию фильма для взрослых.

— Твой этот недуг, — начал издалека Хэ Линьнань, — он не патологический? Врачи выяснили, из-за чего?

— Из-за хронической бессонницы, функции эндотелия сосудов нарушились, — ответил Цинь Мянь.

Хэ Линьнань переспросил:

— У тебя тоже бессонница?

Цинь Мянь задал уточняющий вопрос:

— Тоже?

— Да так, к слову пришлось, я-то сплю чутко, но бессонницей не маюсь. — Хэ Линьнань посмотрел на него. — У тебя как она проявляется? Заснуть не можешь или просыпаешься рано?

Цинь Мянь ответил:

— Ни то ни другое. Просто после засыпания нет фазы глубокого сна.

Хэ Линьнань немного подумал и спросил:

— Снотворные не помогают?

— Снотворные, которые проходят предсоревновательный допинг-контроль, вообще не действуют.

Хэ Линьнань вздохнул и бросил взгляд на травмированную ногу Цинь Мяня:

— Можешь показать?

Цинь Мянь немного поколебался, оттянул штанину и обнажił голень, обмотанную марлей.

Хэ Линьнань поинтересовался:

— Насколько длинная рана?

Цинь Мянь приложил к марле указательный и большой пальцы, отмеряя длину:

— Только нижняя точка глубокая, а остальное совсем поверхностное.

Хэ Линьнань кивнул и снова спросил:

— Когда планируешь возвращаться на родину?

На этотся раз Цинь Мянь ненадолго замолчал, а затем ответил:

— Через некоторое время.

Хэ Линьнань сказал:

— В стране и порядок лучше, и тренировочная база под рукой. Чего ты в этой Синьти зря время теряешь? Закончится бой — и сразу назад.

Цинь Мянь повернул голову к нему:

— А ты? Останешься в Синьти?

Хэ Линьнань с досадой сжал зубы:

— Не лезь не в свое дело.

Верно, Цинь Мяню не следовало лезть не в свое дело. Срок контракта на два месяца подходил к концу, скоро их пути разойдутся. Цинь Мяню в детстве пришлось так тяжело, он должен находиться в безопасном месте и жить спокойной жизнью со своей семьей.

Размышляя об этом, Хэ Линьнань спросил:

— Как здоровье у твоего отца?

Цинь Мянь ответил:

— Пятилетний рубеж рецидивов уже прошел, можно считать, что выздоровел.

Хэ Линьнань сам того не замечая, тронул уголки губ. Он вовсе не считал, что Цинь Дахаю просто повезло победить рак печени — дело было лишь в том, что Цинь Мянь натерпелся достаточно лишений, и небеса решили проявить милосердие к Сяо Маньцзы.

Белая кошка спала между ними, вытянувшись колбаской, как маленький тюлень. Хэ Линьнань протянул руку и потрепал кошку за холку.

Кошка шевельнула носом, но даже не открыла глаз.

Хэ Линьнань посмотрел на пропись для обучения грамоте, прижатую спортивным журналом так, что выглядывал лишь уголок:

— Сколько выучил?

Спросив это, он тут же немного пожалел, испугавшись, что Цинь Мянь подумает, будто он над ним насмехается. Когда его покойный отец Лао Хэ был жив, он вечно с ним спорил, а в горячке срывался на крик и бросал упреки вроде того, что Лао Хэ даже собственное имя в иероглифе Жунъяо не умеет писать правильно.

Последняя черта в иероглифе «гуан» должна идти сразу с крюком вверх, а Лао Хэ вечно выводил вертикальную с изогнутым крюком.

— Мало что знаю, — ответил Цинь Мянь.

Хэ Линьнань окинул Цинь Мяня взглядом:

— Кэла?

Цинь Мянь встретился с ним взглядом, чуть приподнял подбородок, уловив его мысль, взял лежавший рядом телефон, дохнул на экран и написал пальцем два иероглифа: Кэла.

Хэ Линьнань поднял планку:

— Кошка.

Цинь Мянь вывел еще и иероглиф кошка.

Хэ Линьнань уставился на темный экран, затем перевел взгляд на лицо Цинь Мяня:

— Мое имя сможешь написать?

Цинь Мянь на мгновение замер и вывел на экране телефона поочередно: Хэ, Линь, Нань.

Наблюдать, как кто-то пишет твое собственное имя, было странно и непривычно — точно так же, как он почти не смотрел в зеркало, если не считать утреннего и вечернего умывания: чужие лица он видел часто, а свое собственное — редко.

Имя Хэ Линьнаня Цинь Мянь вывел заметно увереннее, чем «кошку»: когда он писал «кошку», на правой половине иероглифа пришлось сделать паузу, а имя написал на одном дыхании.

— Честное слово, брось это дело, — не выдержав, Хэ Линьнань снова вернулся к прежней теме. — Твой противник — Леонид, бывший чемпион, который, кроме Цзи То, никому не проигрывал. Настоящее божество в мире TAS.

Цинь Мянь поднял голову и посмотрел на него:

— Учитель Хэ…

Хэ Линьнань потер виски и сверкнул глазами:

— Прекрати называть меня учителем Хэ, веди себя нормально.

— Я знаю, что шансов на победу у меня мало, — сказал Цинь Мянь. — У меня нет десятков побед подряд, и я не боюсь эту серию прервать. Я знаю, что ударная техника у меня хромает и до уровня Леонида мне далеко.

Как тут еще отговаривать? Хэ Линьнань поднялся на ноги. Белая кошка приоткрыла единственный глаз и лениво покосилась на него.

Он подошел к Цинь Мяню, протянул руку, собираясь взъерошить тому волосы, но, поколебавшись, в последний момент изменил траекторию движения и опустил руку на плечо Цинь Мяня, ободряюще хлопнув.

В моих глазах ты тоже божество.

На одном берегу реки располагались ветхие лачуги рыбаков на сваях, а на противоположном возвышался роскошный, словно императорский дворец, спортивный комплекс.

Вечер турнира TAS-311.

Похоже, дело было вовсе не в жестокости врачей — от этой произведенной в Синьти вакцины против бешенства рука ныла безостановочно. Плохая новость заключалась в том, что Хэ

Линьнань поставил укол еще утром, а рука продолжала болеть весь день вплоть до восьми вечера; хорошая — в том, что это была последняя прививка, теперь с этим покончено.

В конце концов он так и не взял ту билетную VIP-проходку в первый ряд, которую предлагал Цинь Мянь — тренер перепродал VIP-билет кому-то из знакомых. К счастью, его собственный билет за 1800 не пропал, да и Кэла остался при нем.

Это место оказалось гораздо дальше от восьмиугольника, чем он предполагал: разглядеть что-либо вблизи было невозможно, оставалось лишь задирать голову на трансляционный экран прямо перед ними.

Арена поражала размерами, хотя с большинства мест здесь толком ничего не было видно — все равно приходилось пялиться в мониторы.

Возникало странное ощущение: вывалить кучу денег ради того, чтобы вместе со всеми толпиться перед телевизором.

Кожа у Цинь Мяня заживала быстро: корочка на голени отпала, обнажив багрово-красное мясо.

В первом раунде Леонид превосходно контролировал дистанцию. Стоило Цинь Мяню пойти в атаку, как Леонид тут же отвечал лоу-киком, и всего за пару ударов свежий рубец на ноге Цинь Мяня снова закровоточил.

Раз уж сам вызвался участвовать, нечего жаловаться в духе: у меня травма, не бей меня по ногам.

К моменту гонга об окончании раунда Цинь Мянь не донес до цели ни единого удара — раунд прошел под диктовку соперника, его буквально впечатали в настил.

Леонид внушал суеверный ужас: человеку под сорок, а сохранил такую взрывную выносливость и технику!

Во втором раунде Леонид едва ли не с первых секунд продемонстрировал свой коронный удар коленом в прыжке.

Это выглядело зрелищно — фирменный прием молодости Леонида: разбег, толчок, взлет в воздух с одновременным выбросом колена и добавлением массы тела по инерции для сокрушительного удара.

Удар прошел мимо, но Цинь Мянь встретил противника парой точных попаданий. Леонид отступил, а Цинь Мянь тут же бросился вперед, обхватил его за талию и попытался провести перевод в партер.

Леонид находился на пике сил, сбросить себя не позволил, а воспользовавшись тем, что Цинь Мянь прижался вплотную и обхватил его торс, просунул руку тому на шею, намереваясь провести гильотину.

Зрители на трибунах оживились: гильотина в исполнении Леонида и впрямь проходила легко. Все из-за его коротких и толстых рук — в отличие от бойцов с длинными конечностями, у которых вечно остается зазор и задушить до конца не получается, Леониду требовалось лишь закинуть вторую руку, зафиксировать замок и дожать.

Хэ Линьнань сидел на своем месте, разминая шею из стороны в сторону, и продолжал пялиться на большой экран. И надо же было повесить его так высоко!

Многие зрители в зале заулюлюкали, предвкушая скорое поражение Цинь Мяня, но сам Хэ Линьнань был уверен, что победит Цинь Мянь. Больше месяца наблюдая за его спаррингами, он успел изучить, как тот справляется в подобных ситуациях, и прекрасно понимал, в чем заключаются его сильные стороны.

Конечно, Леониду оставалось лишь подтянуть вторую руку и вложить силу в замок, но руки Цинь Мяня в это время упирались в бедро и плечо противника, на корню перекрывая тому кислород. Позвоночник Леонида выгнулся дугой, и в таком согнутом положении тот просто не мог приложить усилие.

Что еще важнее, Леонид начал шумно и тяжело дышать — верный признак того, что силы оставляют его.

Бойцы разорвали клинч, обменялись еще парою ударов, и Леонид снова попытался провести удар коленом в прыжке. На сей раз приземляющегося соперника поймали за ногу, Цинь Мянь попытался сделать бросок, но Леонид успел развернуться и прижался спиной к сетке.

Раунд подошел к концу, и по очкам преимущество все еще оставалось за Леонидом.

С началом третьего раунда функциональная яма Леонида стала очевидна.

В паузе между борьбой в клинче Леонид отступил, пытаясь выровнять дыхание, и Цинь Мянь, уловив этот миг, мгновенно рванул вперед, стремительно нырнул в ноги и на этот раз провел чистейший, безупречный бросок!

Сразу после перевода в партер он включил турбо-скорость, отскочив скользящим шагом на безопасную дистанцию — не проявляя ни малейшего желания задерживаться наверху ради контроля.

Цинь Мянь отличался от парней, которые изучали джиу-джитсу с пятилетнего возраста: джиу-джитсу он не владел в совершенстве и трезво оценивал свои силы. Перейди бой в партер, он не

мог поручиться, что Леонид не выйдет ему за спину и не заломает руки, поэтому после броска он сразу отступал.

А когда Леонид чуть отдышался, бросался снова.

Пусть Цинь Мянь не знал тонкостей джиу-джитсу, но он вырос в стране, где все любят борьбу. Пусть его ударная техника не отличалась изысканностью, зато способность держать удар была прокачана на максимум.

Главное же заключалось в том, что выносливость Цинь Мяня казалась противоестественной, почти не требующей пауз на отдых. Стоило ему заметить, что Леонид ловит воздух, как он тут же превращался в волка, почуявшего добычу, и шел на новый штурм.

За последнюю минуту удары Леонида начали смазываться, и один из суставов пальцев случайно задел глаз Цинь Мяня.

На большом экранесчетливо было видно касание суставом, но у рефери в клетке оказался мертвый угол. Судья сделал шаг вперед, явно собираясь остановить бой и посмотреть повтор, чтобы проверить, не было ли умышленного тычка в глаз со стороны Леонида. Цинь Мянь выставил руку вперед, подняв ладонь в останавливающем жесте.

Рефери кивнул и отступил. К тому моменту Леонид уже был притиснут к сетке.

На этот раз Леонид сам вцепился в талию Цинь Мяня, пытаясь в оставшиеся десятки секунд перевести бой вниз и найти шанс на болевой или удушающий.

Цинь Мянь обвирил шею Леонида руками и, потратив на реакцию меньше секунды, мертвой хваткой затянул замок, резко отпрыгнув назад. Он с усилием сжал руки на шее соперника, увлекая того за собой, и рухнул вместе с ним на настил клетки. В тот самый миг, когда контроль над телом противника был полностью утрачен, Цинь Мянь подтянул вторую руку, вкладывая все силы в финальный аккорд — намертво зафиксированный удушающий прием «гильотина»!

До конца боя оставалось десять секунд.

Цифры таймера 00:10 сменились на 00:03, и Леонид трижды хлопнул ладонью по руке Цинь Мяня — подавая четкий и недвусмысленный сигнал о сдаче.

Зрители вокруг Хэ Линьнаня единым порывом вскочили на ноги, и рев трибун оглушил его.

Толпа больше всего любит сотворять кумиров, возносить их до небес, а затем сбрасывать вниз под презрительное улюлюканье.

С некоторым разочарованием подумал он.

Все эти поднявшиеся люди загораживали ему обзор. Он отклонил голову вбок, пытаясь разглядеть огромный экран под самым куполом арены сквозь просветы между зрителями. Камера переключилась на трибуны, выхватив стоявшего и аплодирующего Цзи То в фиолетовом костюме, который по-прежнему бросался в глаза.

http://bllate.org/book/34412/4242636